

СТРУКТУРНО-ДИНАМИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Раскрываются основные положения структурно-динамической концепции девиантности и девиантного поведения, основанные на многолетних теоретических и эмпирических исследованиях автора. Приводятся результаты сравнительного изучения структуры и динамики девиантного поведения на примере его трех актуальных форм: насильственных преступлений, наркотической зависимости и злоупотребления алкоголем.

Ключевые слова: девиация, девиантность, девиантное поведение, структурно-динамическая концепция девиантности и девиантного поведения, общие свойства девиантности, специфические особенности отдельных видов девиантного поведения, деструктивность, аутодеструкция.

В последние десятилетия проблема девиантного поведения (отклоняющегося от социальных норм) приобрела высокую социальную значимость и научную актуальность. Процессы либерализации общественного сознания, индивидуализации личности и ослабления групповых связей способствовали росту поведенческих девиаций в современном западном обществе.

По данным Всемирной организации здравоохранения, за последние 45 лет мировые показатели самоубийств возросли на 60 % и приблизились к уровню, превышающему 1 млн человек в год. Только по официально зарегистрированным данным в мире насчитывается 1,3 млрд курильщиков и 200 тыс. наркозависимых, около 20 % населения страдают от пьянства. Россия входит в группу стран с высоким уровнем самоубийств, потребления алкоголя и количеством насильственных преступлений [1].

В настоящее время наряду с «традиционными» отклонениями появляются новые виды девиаций, связанные с развитием всемирной сети, в том числе онлайн-зависимость, интернет-преступления, виртуальные сексуальные перверсии. В связи со специфическими особенностями подросткового возраста проблема поведенческих девиаций становится высоко актуальной прежде всего для данной возрастной категории.

Междисциплинарный характер проблемы девиантности и девиантного поведения закономерно привел к появлению большого количества теорий, объясняющих данные феномены. К настоящему времени для обозначения дисциплин, изучающих девиантность и девиантное поведение, введено новое название – «девиантология» [2]. И хотя представленные концепции не противоречат, а гармонично дополняют друг друга, перед специалистами встает непростая задача определения собственной научной платформы в данном вопросе. Анализ существующих исследований по проблеме девиантного поведения свидетельствует о высокой потребности теоретико-методологического осмысления многочисленных разрозненных данных.

На основе обобщения существующих научных подходов, собственных эмпирических исследований и многолетнего практического опыта нами была предложена структурно-динамическая концепция девиантности и девиантного поведения [2–5]. Данная теория интегрирует социально-психологическую и психодинамическую модель на основе системного подхода. Методологическую основу структурно-динамической концепции составляют: принцип целостности человека Б. Г. Ананьева; структурно-уровневая концепция психики М. С. Роговина и Г. В. Залевского; концепция отношений В. Н. Мясищева; психодинамическая теория объектных отношений (М. Балинт, Дж. Боулби, Д. Винникотт и др.).

Основные положения структурно-динамической концепции девиантности и девиантного поведения

В рамках структурно-динамической концепции девиантность рассматривается как социально-психологическое свойство личности, детерминированное одновременно как качествами субъекта, так и свойствами социальной системы, в которую он включен. Сущность феномена девиантности заключается в рассогласовании *социальных отношений личности* (группы). Это означает, что личность (группа) с девиантным поведением имеет такую систему отношений (ценностей, представлений, установок, интеракций), которые существенно отличаются от общепринятых норм и закономерно приводят к интрапсихическим, межличностным и социальным конфликтам.

Девиантность как социально-психологический феномен характеризуется нарушением баланса трех основных процессов социализации личности: социальной адаптации, социально-психологической интеграции и индивидуальной самореализации (индивидуализации). В случае девиантности наблюдаются: 1) недостаточная и (или) неэффективная адаптация к социальной среде; 2) снижение активности, направленной на интеграцию общепринятых ценностей в систему личных смыслов; 3) доминирование процессов индивидуализации и девиантной самореализации.

Девиантность личности (группы) может быть латентной или фактически реализуемой (скрытой или актуальной). В первом случае необходимо говорить о внутренней девиантности, проявляющейся в высокой личностной (групповой) готовности к отклоняющемуся/девиантному поведению. Во втором случае имеет место реальное (фактическое) проявление девиантности в социальной сфере в форме девиантного поведения и девиантного образа жизни.

Девиантное поведение рассматривается как внешнее проявление девиантности в форме повторяющихся действий, получающих негативную общественную оценку, представляющих объективную угрозу для личности или общества, но одновременно имеющих высокую индивидуальную значимость вследствие их направленности на компенсацию нарушений в системе социальных отношений личности (группы).

Поскольку в любом социуме табуируются выраженные формы деструкции и аутодеструкции (убийство, насилие, самоубийство), девиантность приобретает качество деструктивности и аутодеструктивности.

В рамках структурно-динамической концепции разработана многоосевая междисциплинарная классификация видов девиантного поведения [2, 3, 5] на основе следующих критериев: 1) тип нарушаемой социальной нормы; 2) направленность девиации; 3) характер и степень деструкции (причиняемого ущерба). В соответствии с этим выделены три группы девиантного поведения: 1) *внешнедеструктивное (антисоциальное)* поведение, противоречащее нравственным и правовым нормам, угрожающее социальному порядку и благополучию окружающих людей; 2) *косвенно-деструктивное (асоциальное)* поведение, отклоняющееся от морально-нравственных норм, снижающее качество межличностных отношений; 3) *аутодеструктивное (диссоциальное)* поведение, отклоняющееся от медицинских и психологических норм, угрожающее целостности и развитию самой личности. В каждой из трех групп, в свою очередь, выделяются подгруппы со схожими феноменологическими характеристиками.

В изучении девиантности выделяются *три уровня анализа*: 1) *генезис* (развитие в индивидуальном, семейном и социальном контексте, процессуально-временные границы); 2) *структурно-уровневая организация* (организация, подсистемы и свойства); 3) *содержательно-динамические характеристики* (ценности, установки, негативные аффекты и чувства, отношения, личностные значения и смыслы, мотивы, индивидуально-психологические особенности поведения).

С точки зрения генезиса: девиантность и девиантное поведение формируются в процессе разви-

тия личности (группы) как способ приспособления к дезадаптивным индивидуальным особенностям, дисфункциональным межличностным отношениям и неблагоприятным (дезинтегрированным) социальным процессам.

Отмечая относительную устойчивость девиантного поведения, следует различать несколько его вариантов в зависимости от длительности его существования и стойкости (фиксированности) проявления: 1) краткосрочные девиантные реакции; 2) преходящие девиантные состояния; 3) устойчивое девиантное поведение; 4) девиантное развитие личности.

Хорошо известен факт, что различные формы девиантного поведения имеют тенденцию сочетаться или переходить друг в друга (например, уголовные преступления нередко совершаются в состоянии алкогольного опьянения; в случае отказа от наркотиков зависимая личность стремится заменить их алкоголем или другими психоактивными веществами и так далее). В связи с тесной психологической связью между отдельными видами девиаций нами предпринята попытка выделения общих и парциальных свойств девиантности [3]. *Структурно-уровневая организация* девиантности включает:

1) общие свойства, присущие всем видам девиаций и создающие основу для объединения различных поведенческих проявлений в единую группу, обозначаемую как «девиантное поведение»;

2) частные характеристики, выражающие специфику отдельной формы девиации, позволяющие выделять классы и подвиды девиантного поведения.

Содержательно-динамические характеристики девиантности раскрывают индивидуальное своеобразие девиантного поведения при сохранении общих свойств девиантности. Так, например, многие люди страдают химической зависимостью, но в каждом конкретном случае имеют место: собственная история, «предпочитаемая» форма зависимости, индивидуальный ритм и степень выраженности, индивидуально окрашенные мотивы и переживания.

Ведущим психодинамическим механизмом и фактором девиантности, на наш взгляд, являются нарушения в системе детско-родительских отношений, деструктивная направленность и содержание которых воспроизводятся в последующей межличностной коммуникации, вызывая устойчивую девиацию социального поведения.

Эмпирическое обоснование структурно-динамической концепции девиантности и девиантного поведения личности

С целью эмпирической проверки сформулированных положений было организовано социально-психологическое исследование девиантности и де-

виантного поведения [3, 4]. В исследовании участвовали 503 респондента, мужчины и женщины в возрасте от 18 до 70 лет. В основу выделения групп были заложены 2 критерия: форма девиации (внешне деструктивная или аутодеструктивная) и степень выраженности девиации (от средней, совместимой с жизнью до реально угрожающей самой жизни). В результате были сформированы 4 группы: 1) без каких-либо проявлений девиантного поведения (194 человека – 107 женщин и 87 мужчин); 2) с алкогольной зависимостью в форме бытового пьянства, диагностированного на основе поведенческого интервью, без признаков социальной дезадаптации (113 человек – 40 женщин и 73 мужчины); 3) с наркозависимым поведением (96 человек – 30 женщин и 66 мужчин), с установленным диагнозом «опийная наркомания» и проходящих реабилитацию в медико-психологических центрах Санкт-Петербурга и Севастополя, со сроком ремиссии от 1 мес. до 9 лет; 4) осужденные с криминально-агрессивным поведением (100 человек – 43 женщины и 57 мужчин), отбывающие наказание в исправительных учреждениях Санкт-Петербурга за убийства и тяжкие телесные повреждения, признанные виновными по результатам психолого-психиатрической экспертизы.

Очевидно, что 1-я группа характеризуется отсутствием девиации, 2-я – легкой девиацией и последние две группы (3-я и 4-я) характеризуются тяжелой степенью девиации. Таким образом, все изучаемые лица расположились на оси «норма – неосложненная девиация без признаков социальной дезадаптации – тяжелая девиация, сопровождаемая социальной дезадаптацией».

В ходе исследования была использована методика комплексной диагностики девиантности и девиантного поведения личности, содержащая: поведенческое интервью, разработанное автором в целях анализа истории формирования и особенностей конкретной формы девиантного поведения [2]; методику оценки социальной фрустрации в модификации В. Бойко [6]; шкалу ориентации на выполнение нравственно-правовых норм в модификации Ямпольского [6]; тест межличностных отношений Т. Лири [7]; тест психологических защит Плутчика–Келермана-Конте [6]; методику субъективной оценки детско-родительских отношений, разработанную на основе семантического дифференциала [5].

В результате проведенного исследования были выделены *общие свойства* девиантности – к последним были отнесены личностные характеристики, выявленные при всех изучаемых формах девиаций [3, 4].

Первое общее свойство девиантности проявляется как пониженный уровень удовлетворенности

(высокий уровень фрустрации) различными аспектами собственной жизни (рис. 1). Неудовлетворенность представляет собой устойчивую личностную черту (вероятно, формирующуюся уже на ранних этапах онтогенеза на основе возбудимой нервной системы), которая проявляется в высоком психофизическом напряжении, а также пониженной эмоциональной толерантности к фрустрации (нетерпимости к негативной оценке, отказу или препятствию на пути реализации актуального желания).

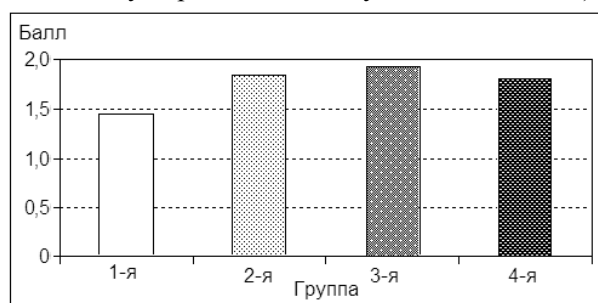

Рис. 1. Уровень социальной фрустрации

Наряду с повышенным уровнем социальной фрустрации у лиц с девиантным поведением (независимо от формы девиации) были выявлены качественно-количественные нарушения нравственно-нормативного сознания (рис. 2).

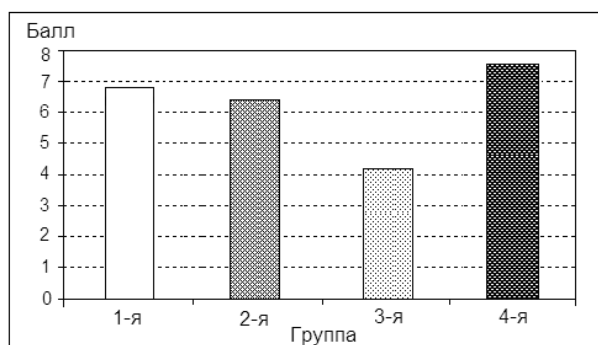

Рис. 2. Выраженность установок на выполнение социальных норм

В 1-й группе (нормы) выявлен средний уровень ориентации на выполнение социальных норм. Отмечается последовательное снижение показателей в направлении: «группа нормы – группа с алкогольной зависимостью в форме систематического пьянства – группа с наркотической зависимостью». Количественные различия между 1-й и 3-й группой статистически значимы ($p < 0,01$). В 4-й группе, напротив, наблюдается повышение баллов по «шкале ориентации на выполнение социальных норм» ($p < 0,05$) вследствие учащения выбора второстепенных мотивировок, склонности к самооправданию, категоричности суждений, диссимуляции – стремления произвести лучшее впечатление на окружающих.

Одновременно с количественными изменениями при девиантном поведении наблюдаются качественные изменения нормативного сознания. В норме для людей наиболее значимы такие мотивировки, как: обязательность выполнения законов; справедливость и обязательность наказания; соблюдение принципов нравственности и морали; высшие чувства (стыд, долг, ответственность). В случае с девиантным поведением субъективная ценность нравственных норм и законов снижается при одновременном повышении значимости биологических и индивидуальных мотивировок (например: страх наказания, риск, физиологическое удовольствие, деньги, доминирование).

Результаты использования методики Т. Лири свидетельствуют о том, что в межличностных отношениях людей с девиантным поведением нарастают такие негативные тенденции, как агрессивность и подозрительность. По соответствующим шкалам получены более высокие баллы в девиантных группах в сравнении с 1-й группой (рис. 3).

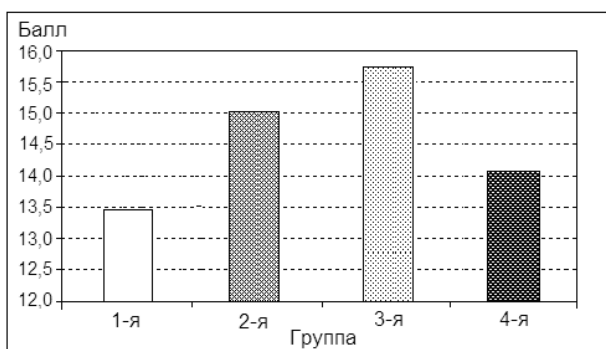

Рис. 3. Средние показатели конфликтности (агрессивности и подозрительности)

В группах с девиациями рассматриваемые показатели статистически значимо превышают аналогичный коэффициент в 1-й группе ($p < 0,01$). В соответствии с литературными данными [7] суммарное повышение баллов по данным характеристикам можно интерпретировать как повышение конфликтности личности в ситуациях межперсонального взаимодействия.

Вследствие перечисленных особенностей девиантность как внутренняя готовность личности нарушать общепринятые нормы сопровождается внутренними и (или) межличностными конфликтами. В основе конфликтов лежат такие качества личности, как высокий уровень психофизического напряжения, подозрительность, низкая терпимость, ригидность, склонность к самооправданию при завышенных требованиях к окружающим людям, малопродуктивные и архаичные психологические защиты.

В структуре психологических защит людей с девиантным поведением наблюдаются ярко выраженные качественно-количественные изменения в сравнении с группой нормы (рис. 4).

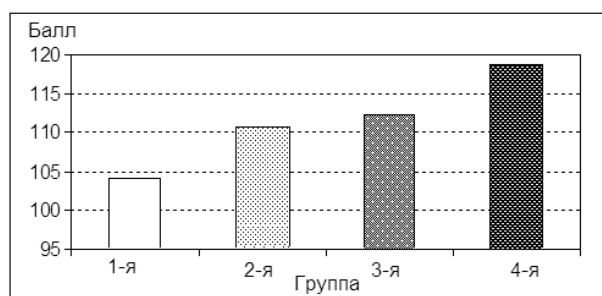

Рис. 4. Напряженность психологических защит

При переходе от нормы (1-я группа) к девиации, а также – от легких (2-я группа) к более тяжелым девиациям (3-я и 4-я группы) наблюдается статистически значимое повышение уровня активности (напряженности) бессознательных защитных механизмов, что может интерпретироваться как острота внутреннего конфликта и выраженности негативных аффектов. В целом результаты теста психологических защит подтверждают факт эмоционально-регуляционной дестабилизации личности с девиантным поведением.

Наряду с ростом общего уровня напряженности защит отмечаются изменения в их структуре. При усилении девиантного поведения снижается удельный вес зрелых защит, таких как рационализация или компенсация. В группах с девиантным поведением повышается удельный вес таких архаичных защит, как: регрессия ($p < 0,01$); проекция ($p < 0,01$); замещение/смещенная агрессия ($p < 0,05$).

Одновременно с перечисленными характеристиками для девиантного поведения в целом характерны множественные нарушения в системе детско-родительских отношений. Анализ биографии лиц с девиантным поведением, участвовавших в исследовании, в сочетании с использованием авторской методики субъективной оценки их значимых отношений привели к выводу о наличии ряда негативных тенденций в детско-родительских отношениях лиц с девиантным поведением [3; 4].

Эмоциональное отношение к отцу снижено во всех группах с девиантным поведением в сравнении с группой нормы (рис. 5). Наибольший дефицит отцовского влияния наблюдается во 2-й и 4-й группах: в этих группах показатели (на уровне тенденции) снижены по всем шести функциям отцовского влияния (теплота, забота, близость, авторитет, поддержка, требовательность).

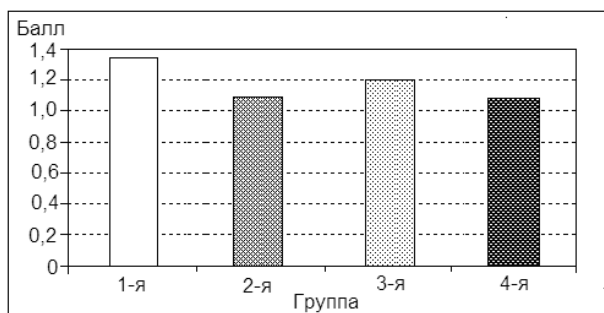

Рис. 5. Общее эмоциональное отношение к отцу

Общее эмоциональное отношение к матери нарушено в группах с зависимым поведением (рис. 6). Различия в отношении к матери между 1-й группой, 2-й и 3-й группами с зависимым поведением статистически значимы ($p < 0,05$). В случае зависимого поведения снижены показатели по всем 6 функциям материнского влияния. Отношение к матери у лиц с криминальным поведением, напротив, более позитивно, чем в норме (особенно у мужчин). Следовательно, делинквентная направленность личности сопровождается не только выраженной склонностью к самооправданию на фоне напряженности аффектов, но и инфантильной идеализацией образа матери.

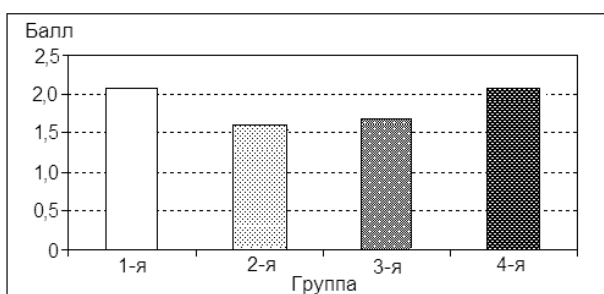

Рис. 6. Общее эмоциональное отношение к матери

В итоге получены данные о нарушении значимых отношений с родителями во всех изучаемых группах с девиациями: в группе с насильственными преступлениями доминирует дефицит позитивного отцовского влияния; в группе с наркозависимостью преобладают нарушения в отношениях с матерью в форме дефицита заботы, авторитета и требовательности; в группе с бытовым пьянством выявлена общая неудовлетворенность отношениями с обоими родителями.

В целом при усилении девиации наблюдается снижение суммарного позитивного эмоционального отношения к обоим родителям.

Использование метода семантического дифференциала для самооценивания выявило тенденцию поляризации самооценки в группах с девиантным поведением (рис. 7). В сравнении с 1-й группой при зависимом поведении самооценка достоверно снижается ($p < 0,01$), а при криминальном поведе-

нии (4-я группа) напротив – повышается ($p < 0,05$), несмотря на совершенные тяжкие преступления. Данный факт можно интерпретировать как следствие повышения активности специфических психологических защит при девиациях: отрицания собственной ценности при зависимостях и проекции нежелательных качеств вовне при криминально-насильственном поведении.

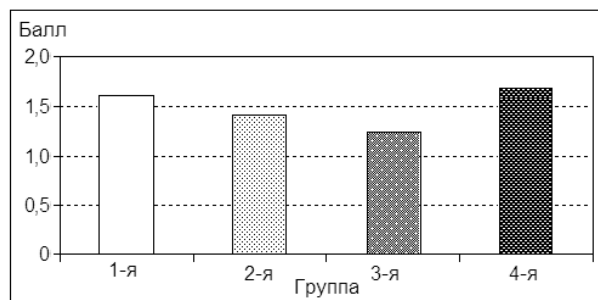

Рис. 7. Показатели самооценки

Таким образом, в ходе проведенного исследования были эмпирически выявлены и статистически подтверждены следующие общие свойства личности с девиантным поведением:

1) социально-психологическая фрустрация в форме повышенного недовольства жизнью в целом и ее отдельными аспектами;

2) оппозиционная направленность личности как результат изменений в ценностно-нормативном сознании, рассогласования индивидуальных ценностей с социальными приоритетами;

3) высокая напряженность межличностных отношений, проявляющаяся как повышенная конфликтность, интолерантность и поляризация (существенное снижение или повышение) зависимости от других людей;

4) эмоционально-регуляционная дестабилизация вследствие доминирования негативных аффектов (тревоги, агрессии, депрессии), повышенной напряженности психологических защит и активизации архаичных защит;

5) нарушения в системе детско-родительских отношений, проявляющиеся в форме нарушения родительских функций, негативной оценки родительских фигур и низкой удовлетворенности отношениями с родителями;

6) нарушения самосознания в форме поляризации самооценки.

В результате кластерного анализа были выявлены четыре группы взаимосвязанных признаков девиантности, которые в ходе исследования были обозначены как: 1) оппозиционная predisпозиция личности; 2) эмоционально-регуляционная дестабилизация; 3) конфликтные и неудовлетворяющие значимые (межличностные) отношения; 4) конфликтное самоотношение.

Проблемы конституциональной и психопатологической предрасположенности к девиантному поведению учитывались, но специально не изучались в рамках данного исследования. В этой связи наиболее интересным представляется подход Г. В. Залевского, рассматривающего суицидальное и другие формы девиантного поведения в контексте психической ригидности и фиксированных форм поведения [8]. Другим перспективным направлением, на наш взгляд, является изучение нарушений развития и девиантности как результата размытой или несформированной личностной идентичности [9, 10].

Наряду с общими (универсальными) свойствами девиаций были определены отличительные особенности отдельных форм девиантного поведения. Специфической особенностью людей с алкогольной зависимостью на уровне бытового пьянства (2-я группа) можно считать высокую склонность к регрессу и смещенной агрессии на фоне выраженной неудовлетворенности отношениями с обоими родителями. По всей видимости, алкоголь компенсирует как дефицит «теплых отношений» (объектный голод), так и внутреннюю агрессию, которую зависимые от алкоголя люди стараются подавлять (не проявлять вовне) вследствие достаточно развитого нормативного сознания и совестливости.

При наркозависимом поведении (3-я группа) выявлены более тяжелые, чем при бытовом пьянстве, нарушения личности. Для наркозависимых характерны выраженные нарушения совестливости – для этих людей социальные нормы и правила не имеют большого значения, а их нарушение не вызывает мук совести как при алкогольной зависимости. Одновременно с этим при наркозависимом поведении отмечается максимальный уровень враждебности и подозрительности на фоне самых высоких показателей зависимости (несамостоятельности) в межличностных отношениях. Выявляются самая высокая тревога и активность архаичных защит (регрессия, отрицание, проекция), а также напряженность гедонистических влечений и нарциссических переживаний. В случае наркотической зависимости отмечаются тотальный регресс и выраженная склон-

ность к защитному фантазированию. В сравнении с другими подгруппами у наркозависимых отмечаются наиболее нарушенные отношения с матерью в форме тревожного симбиоза.

Для лиц с криминально-насильственным поведением (4-я группа) характерны: внешняя демонстрация уважения к закону, доминирование проекции в структуре защит, идеализация матери, завышенная самооценка и тенденция к самооправданию, убежденность в собственной правоте, повышенная чувствительность к агрессии извне, восприятие внешнего мира как угрожающего и несправедливого.

На основе полученных данных были выделены *четыре типа межличностных отношений при девиантном поведении*: 1) *отчуждение* (отказ от близких отношений); 2) *тревожная неудовлетворенность* (активный поиск суррогатного удовлетворения на фоне «внутреннего голода»); 3) *симбиотическое слияние* (делегирование другому человеку ряда личных функций, в том числе ответственности, инициативы, заботы о себе); 4) *подозрительная враждебность* (защитно-агрессивная опозиция).

Особенности межличностного взаимодействия с родителями, а также их психические репрезентации (объектные отношения) фиксируются в форме устойчивого паттерна поведения, впоследствии распространяясь на отношения с другими людьми. В сочетании с дополнительными факторами доминирующий тип нарушенных отношений определяет форму социальной девиации. Так, для зависимого поведения характерны хроническая неудовлетворенность личными отношениями и поиск суррогатного удовлетворения, для суицидального – отказ от значимых отношений, для наркозависимого – симбиотическое слияние, для агрессивно-криминального – враждебно-опозиционная установка.

Перечисленные паттерны межличностных отношений сопровождаются специфическими аффектами и рационализациями, образуя единый мотивационный комплекс и определяя устойчивую направленность личности.

Список литературы

1. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru>
2. Змановская Е. В. Девиантология (психология отклоняющегося поведения): учеб. пособие для студентов вузов. М.: Издат. центр «Академия», 2003. 288 с.
3. Змановская Е. В. Психология девиантного поведения: структурно-динамический подход: монография. СПб.: Изд-во СПб. ун-та МВД России, 2005. 274 с.
4. Змановская Е. В. Эмпирическое обоснование структурно-динамической концепции девиантного поведения // Мед.-биол. и соц.-психол. пробл. безопасности в чрезв. ситуациях. 2012. № 4. С. 96–102.
5. Змановская Е. В., Рыбников В. Ю. Девиантное поведение личности и группы: учебное пособие. СПб.: Питер, 2011. 352 с.
6. Вассерман Л. И., Щелкова О. Ю. Медицинская психодиагностика: теория, практика и обучение. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издат. центр «Академия», 2003. 736 с.

7. Собчик Л. Н. Диагностика межличностных отношений (модифицированный вариант интерперсональной диагностики Т. Лири): метод. руководство. М.: МКЦ, 1990. 47 с.
8. Залевский Г. В. Личность и фиксированные формы поведения. М.: Ин-т психологии РАН. 2007. 336 с.
9. Жигинас Н. В. Кризис идентичности студентов в свете проблемы психического здоровья // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2009. Вып. 4 (82). С. 61–65.
10. Бохан Т. Г., Твердохлебова Н. В. Проблемы становления идентичности подростков и юношей при формировании пивной аддикции // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2012. Вып. 6 (121). С. 126–130.

Змановская Е. В., доктор психологических наук, профессор, зав. кафедрой.

Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы.

ВО, 12-я линия, 13, Санкт-Петербург, Россия, 199178.

E-mail: evz-spb@mail.ru

Материал поступил в редакцию 04.03.2013.

E. V. Zmanovskaya

STRUCTURAL AND DYNAMIC CONCEPT OF DEVIANT BEHAVIOR

The article describes the main provisions of the structural and dynamic concept of deviance and the deviant behaviour, based on long-term theoretical and empirical research of the author. It presents the results of comparative study of the structure and dynamics of deviant behaviour on the example of its three actual forms: violent crime, drug addiction and alcohol abuse.

Key words: *deviation, deviance, deviant behaviour, structural and dynamic concept of deviance and deviant behaviour, the general properties of deviance, the specific features of separate types of deviant behaviour, destructiveness, autodestruction.*

St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work.

VO, 12-Line, 13, St. Petersburg, Russia, 199178.

E-mail: evz-spb@mail.ru